

А
Николай Николаевич Страхов

И. С. Тургенев. "Отцы и дети"

Критика 60-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева.-- М.: ООО "Издательство "Астрель": "Издательство "АСТ", 2003 (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

Чувствую заранее (да это, вероятно, чувствуют и все, кто у нас нынче пишет), что читатель всего больше будет искать в моей статье поучения, наставления, проповеди. Таково наше настоящее положение, таково наше душевное настроение, что нас мало интересуют какие-нибудь холодные рассуждения, сухие и строгие анализы, спокойная деятельность мысли и творчества. Чтобы занять и расшевелить нас, нужно нечто более едкое, более острое и режущее. Мы чувствуем некоторое удовлетворение только тогда, когда хоть ненадолго в нас вспыхивает нравственный энтузиазм или закипает негодование и презрение к господствующему злу. Чтобы нас затронуть и поразить, нужно заставить заговорить нашу совесть, нужно коснуться до самых глубоких изгибов нашей души. Иначе мы останемся холодны и равнодушны, как бы ни были велики чудеса ума и таланта. Живее всех других потребностей говорит в нас потребность нравственного обновления и потому потребность обличения, потребность бичевания собственной плоти. К каждому владеющему словом мы готовы обратиться с тою речью, которую некогда слышал поэт:

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.

.....

Давай нам смелые уроки!¹

Чтобы убедиться во всей силе этого запроса на проповедь, чтобы видеть, как ясно чувствовалась и выражалась эта потребность, достаточно вспомнить хотя немногие факты. Пушкин, как мы сейчас заметили, слышал это требование. Оно поразило его странным недоумением. "Таинственный певец"², как он сам называл себя, то есть певец, для которого была загадкою его собственная судьба, поэт, чувствовавший, что "ему нет отзыва"³, он встретил требование проповеди как что-то непонятное и никак не мог отнестись к нему определенно и правильно. Много раз он обращался своими думами к этому загадочному явлению. Отсюда вышли его полемические стихотворения, несколько неправильные и, так сказать, фальшивящие в поэтическом отношении (большая редкость у Пушкина!), например "Чернь", или

Не дорого ценю я громкие права⁴.

Отсюда произошло то, что поэт воспевал "мечты невольные", "свободный ум"⁵ и приходил иногда к энергическому требованию *свободы* для себя как для поэта:

Не гнуть ни совести, *ни помыслов*, ни шеи...
Вот счастье, вот права!⁶

Отсюда, наконец, та жалоба, которая так грустно звучит в стихотворениях "Поэту", "Памятник", и то негодование, с которым он писал:

Подите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас⁷.

Пушкин умер среди этого разлада, и, может быть, этот разлад немало участвовал в его смерти.

Вспомним потом, что Гоголь не только слышал требование проповеди, но и сам уже был заражен энтузиазмом проповедования. Он решился выступить прямо, открыто, как проповедник в своей